

J 38
104

301-87
10813-X

Д. Н. Анучинъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

(Антропологическій эскизъ).

(Изъ №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193 и 209 „Русскихъ Вѣдомостей“).

МОСКВА.

Типографія „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7-й.
1899.

125

А. С. ПУШКИНЪ.

(Антропологическій эскизъ).

Высокое значеніе художественнаго творчества Пушкина сознавалось образованнымъ русскимъ обществомъ еще при жизни поэта, но особенно яркое выраженіе получило это сознание въ позднѣйшихъ отзывахъ о творчествѣ поэта лучшихъ нашихъ писателей. Извѣстенъ отзывъ о Пушкинѣ Гоголя: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптического стекла... Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа... можетъ совершенно понимать только тотъ, чья душа носить чисто русскіе элементы, кому Россія родина“. Бѣлинскій воспроизвелъ приведенный отзывъ Гоголя въ одной изъ своихъ статей и самъ выразилъ мнѣніе, что „Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ“, что „общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ“. По выраженію извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, „Пушкинъ—представитель всего нашего душевнаго, особеннаго... Онъ пока единственный полный очеркъ нашей народной личности. Это нашъ самобытный типъ... Въ его натурѣ очерками обозначились наши фیزیономическія особенности, полно и цѣльно, хотя еще и безъ красокъ, и все современное литературное движеніе (писано сорокъ лѣтъ тому назадъ) есть только наполненіе красками рафаэлевски правдивыхъ и изящныхъ очерковъ“. Тургеневъ, повторяя отзывъ Бѣлинскаго, что Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ—поэтомъ, создавшимъ „нашъ поэтический, нашъ литературный языкъ“, прибавляетъ: „именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа“. Достоевскій въ своемъ извѣстномъ отзывѣ о Пушкинѣ выразился такъ: „Пушкинъ былъ не только русскій человѣкъ, но и первымъ русскимъ человѣкомъ... Онъ понималъ русскій народъ и постигъ его назначеніе въ такой глубинѣ и въ такой обширности, какъ никогда и никто... Русскій духъ разлитъ въ твореніяхъ Пушкина, русская жила бьетъся вездѣ... Пушкинъ, по обширности и глубинѣ своего русскаго гѣнія, до сихъ поръ есть какъ солнце надъ всѣмъ нашимъ

русскимъ интеллигентнымъ міровоззрѣніемъ“.

Такъ оцѣнивали Пушкина величайшіе наши художники слова и лучшіе критики. Можно было бы привести рядъ и другихъ подобныхъ отзывовъ, но едва ли въ этомъ имѣется надобность. Значеніе Пушкина какъ великаго русскаго поэта признано нынѣ всѣми, и это значеніе опредѣляется, главнымъ образомъ, высокою художественностью его поэтическаго творчества, въ которомъ въ такой изящной формѣ воплотились русское чувство, русская мысль, русскіе типы и идеалы, выразились съ такою полнотой основы русскаго національнаго духа.

Высказывая такіе отзывы, признавая Пушкина истинно русскимъ художникомъ—поэтомъ, вдохновеннымъ выразителемъ нашей самобытности, вѣрнымъ истолкователемъ русскаго духа, всѣ приведенные писатели знали однако, что по своему происхожденію, крови, природѣ, темпераменту Пушкинъ не былъ вполне русскимъ человѣкомъ. Поэтъ самъ не разъ, въ стихахъ и прозѣ, вспоминалъ о своемъ африканскомъ прадѣдѣ по матери, арапѣ Абрамѣ Ганнибалѣ, да и другіе какъ при жизни Пушкина, такъ и особенно впоследствии указывали на его африканское происхожденіе, африканскую природу, на присутствіе въ немъ „наполовину африканской крови“ (Григорьевъ) и т. п. Обо всемъ этомъ упоминалось однако лишь мимоходомъ, на указанной особенности происхожденія не считали нужнымъ останавливаться, а иногда даже совершенно ее игнорировали, признавая ее, очевидно, хотя и любопытной, но не существенной генеалогической подробностью.

Въ болѣе близкое къ намъ время лучшіе біографы Пушкина стали однако сознавать важность изученія этихъ наследственныхъ чертъ. Такъ, Анненковъ начинаетъ свой извѣстный трудъ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ слѣдующими словами: „Не надо быть рьянымъ поклонникомъ ученія о неотразимомъ дѣйствіи фیزیологическихъ и нравственныхъ свойствъ родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣрить въ возможность фамиліальной передачи нѣкоторыхъ крупныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли. Нѣкоторое изученіе характера и натуры А. С. Пушкина неизбежно приводитъ къ заключенію, что

въ основѣ ихъ лежатъ унаслѣдованныя черты и отличія двухъ родовъ—Ганнибаловъ и Пушкиныхъ, только значительно облагороженные ихъ знаменитымъ потомкомъ. Любопытно поэтому присмотрѣться ближе къ двумъ элементамъ, которые, такъ сказать, вошли въ составъ нравственнаго существованія А. С. Пушкина и частью опредѣлили его“. Подобнымъ же образомъ и послѣдующій біографъ г. Векстернъ начинаетъ свой біографическій очеркъ А. С. Пушкина словами: „Если генеалогія лица, составляющаго предметъ изслѣдованія, имѣетъ законное право на мѣсто въ каждой біографіи, то въ біографіи Пушкина глава о происхожденіи положительно необходима“, въ особенности потому, что „самый характеръ Пушкина, состоящій весь изъ крайностей, почти несомнѣстимыхъ, полный противорѣчій, непонятныхъ съ перваго взгляда, можетъ быть объясненъ только его происхожденіемъ, соединившимъ въ одномъ человѣкѣ африканскую кровь Ганнибаловъ съ чисто русской душой“.

Сознавая такую необходимость, новѣйшіе біографы Пушкина обыкновенно и приводили въ началѣ своихъ трудовъ данныя изъ родословной поэта, сообщая имѣвшіеся свѣдѣнія объ его родителяхъ и предкахъ, но этимъ однако все дѣло и ограничивалось. Въ дальнѣйшемъ изложеніи вліяніе наследственности и этими лучшими біографами оставалось въ тѣни, углубиться въ него они не пытались, да и въ главѣ, посвященной генеалогіи, не дѣлалось попытки рассмотреть подробнѣе возможную степень вліянія отдѣльных родовъ и сущности той африканской крови, которая текла въ жилахъ Пушкина. Объясняется это отчасти недостаточностью имѣющихся матеріаловъ, но отчасти и нежеланіемъ ими воспользоваться; съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что вопросы этого рода выходятъ уже за предѣлы историко-литературнаго изученія и входятъ въ задачи изученія антропологическаго. Въ этомъ же отношеніи Пушкинъ еще совершенно не былъ предметомъ изслѣдованія, а между тѣмъ едва ли можетъ быть оспариваемо, что въ ряду выдающихся русскихъ людей, мыслителей и художниковъ, Пушкинъ долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, антропологическое изученіе которыхъ способно представлять наибольшій интересъ и даже, можно сказать, является необходимымъ.